

Голубинский Е. Е. Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к Русской Церкви или к вере русских и к их духовенству // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 6. С. 429–455 (2-я пагин.). (Начало.)

Порабощеніе Руси Монголами и отношеніе хановъ монгольскихъ къ русской церкви или къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству ¹⁾.

Монголы или Татары, кочевой народъ такъ называемаго алтайскаго или урало-алтайскаго семейства, обитавшіе съ древняго времени въ той же великой азіатской степи, въ которой живутъ до настоящаго времени ихъ потомки и которая называется по ихъ имени Монголіей, до второй половины XII вѣка не составляли изъ себя одного политическаго цѣлаго въ видѣ одного государства, но распа-дались на отдѣльныя племена и орды, состоявшія подъ властію своихъ особыхъ, большихъ и малыхъ, владѣтелей или хановъ ²⁾. Въ половинѣ XII вѣка явился у Монголовъ великій (и вмѣстѣ безмѣрно страшный) человекъ, который не только соединилъ ихъ въ одно цѣлое, но и сдѣлалъ огромныя завоеванія внѣ Монголіи, чтобы основать могу-

¹⁾ Изъ приготовленнаго къ печати втораго тома Исторіи русской церкви.—Содержаніе см. на концѣ.

²⁾ До тѣхъ поръ пока не были соединены въ одно политическое цѣлое, Монголы или Татары не имѣли и одного общаго имени. Со времени объединенія они усвоили себѣ и имъ усвоено было ихъ объединителемъ, какъ таковое общее имя, частное имя того племени, къ которому принадлежалъ послѣдній: это—первое изъ двухъ именъ, т. е. Монголы. Что же касается до втораго имени,—Татары, то, не бывъ употребляемо ими самими, а бывъ дано имъ сосѣдними народами и составлявъ ихъ преимущественное имя у чужихъ, въ томъ числѣ и у европейцевъ, оно явилось такимъ образомъ, что частное имя другаго племени было распространено на весь народъ. Въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ и вообще у насъ—Русскихъ Монголы извѣстны были исключительно подъ вторымъ или несобственнымъ своимъ именемъ.

ществениѣйшее монгольское государство, и который, мечтавъ о завоеваніи всего свѣта, дѣйствительно успѣлъ въ томъ, чтобы наполнить весь свѣтъ ужасомъ имени своего и своихъ дикихъ сородичей. Это былъ Темучинъ, извѣстный въ исторіи подъ своимъ послѣдующимъ титуломъ Чингисъ-хана.

Тамучинъ былъ сынъ Язукая, удѣльнаго владѣтеля одной монгольской орды, состоявшей изъ 30—40 тысячъ семей (кибитокъ) и кочевавшей въ сѣверо-восточной Монголіи, въ верховьяхъ рѣки Онона (образующаго по соединеніи съ Ингодой рѣку Шилку, которая въ свою очередь по соединеніи съ Аргунью образуетъ Амуръ); онъ родился около 1155 г. Оставшись послѣ смерти отца 13-лѣтнимъ мальчикомъ, Темучинъ до сорока лѣтъ своего возраста не давалъ ожидать отъ себя ничего особеннаго и все время оставался однимъ и тѣмъ же маленькимъ владѣтелемъ. Въ сейчасть указанномъ возрастѣ онъ внезапно вступилъ, какъ выражаются восточные, на стезю завоеваній и пошелъ по ней необыкновенно быстро. Въ продолженіи десяти лѣтъ, съ 1195 по 1205 г., онъ подчинилъ своей власти всѣ отдѣльныя племена и орды монгольскія и образовалъ изъ нихъ одно государство. Послѣ этого, принявъ на общемъ торжественномъ сѣздѣ покоренныхъ князей титулъ Чингисъ-хана, что значитъ великій (могущественный) ханъ, т. е. государь, и что соотвѣтствуетъ европейскому титулу императора, и утвердивъ свою резиденцію въ городѣ Харахоринѣ или Каракорумѣ на верхнемъ Орхонѣ (впадающемъ съ правой стороны въ Селенгу), на югъ, на юго-западъ, отъ нашей теперешней Кяхты, Темучинъ началъ и быстро повелъ вѣдшія завоеванія: покорилъ сѣверный Китай по рѣку Гоангъ-го или Желтую, Тангутъ или землю Тангутъскую нашихъ лѣтописей (восточную бѣльшую или меньшую половину нынѣшняго Тибета или, можетъ быть, весь нынѣшній Тибетъ съ прилежащею къ нему нѣкоторою частію западнаго Китая), Карахатай (нынѣшній восточный Туркестанъ), Ховарезмъ или Харезмъ (нынѣшнюю Хиву, къ которой принадлежали тогда Бухара и Кокандъ), Хорасанъ на югъ отъ Ховарезма (съ городами Мервомъ въ Туркестанѣ, Балхомъ и Гератомъ въ Афганистанѣ и Нишабуромъ въ сѣверовосточной Персіи), восточную половину

такъ называвшагося Кипчака или степь туркмено-киргизскую ¹⁾. Чингисъ-ханъ умеръ въ 1227 г.. Передъ смертію онъ раздѣлилъ свои завоеванія между своими тремя сыновьями и между внуками отъ четвертаго сына, умершаго прежде него, на четыре улуса или на четыре отдѣльные ханата, но такъ, чтобы ханъ одного улуса, имѣвшій пребываніе въ его собственной столицѣ Харахоринъ или Каракорумъ, былъ великимъ ханомъ и имѣлъ верховную власть надъ ханами остальныхъ. Наша Русь была покорена потомъ ханами улуса кипчакскаго, который, обнимая не весь восточный Кипчакъ, а сѣверную его половину или степь киргизъ-кайсацкую, отданъ былъ Чингисъ-ханомъ сейчасъ помянутымъ внукамъ, именно—дѣтямъ его старшаго сына Чучи или Джучи.

Русскіе впервые узнали Монголовъ еще при жизни Чингисъ-хана въ 1223 г.. Государь ховарезмскій, бывъ побѣжденъ императоромъ монгольскимъ, искалъ спасти свою жизнь бѣгствомъ въ Персію. Для его преслѣдованія Чингисъ-ханъ отрядилъ двухъ своихъ полководцевъ, которые и гнались за нимъ почти до сѣверной границы Персіи, пока онъ не укрылся отъ преслѣдованія на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря. Углубившись въ Персію слишкомъ далеко, чтобы возвращаться назадъ старымъ путемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая имѣть и новое поприще для грабежей, полководцы просили у Чингисъ-хана и получили отъ него дозволеніе совершить обратный путь чрезъ кавказскій перешеекъ на киргизскую степь. При переходѣ чрезъ Кавказъ они побили тамошныя народы—Ясовъ, Обезовъ и Касоговъ (Осетинъ, Абхазцевъ и Черкесовъ), а спустившись на сѣверную его сторону, въ степь половечскую, начали страшное избиеніе Половцевъ, за которыми гнались въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверозападу чрезъ всю степь до самой границы Руси,—до вала половецкаго, который былъ ниже Переяславля. Половцы прибѣгли къ

¹⁾ Кипчакомъ, степью кипчакскою (решти-Кипчакъ) назывались у восточныхъ, отъ имени тюркскаго народа Кипчакъ, степь туркмено-киргизская и служащая ея продолженіемъ въ Европѣ наша степь новороссійская. Печенеги и Половцы или принадлежали къ Кипчакамъ, или же, по мѣстности, въ которой жили, называются у восточныхъ Кипчаками.

русскимъ князьямъ и умоляли ихъ о помощи. Князь Мстиславъ Мстиславичъ торопецкій, сидѣвшій тогда въ Галичѣ, былъ зятемъ князя половецкаго Котяна. Внимая мольбамъ тестя, Мстиславъ успѣлъ склонить на сторону Половцевъ сидѣвшаго въ Кіевѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Романовича; ¹⁾ два Мстислава составили съѣздъ въ Кіевѣ всѣхъ южныхъ князей, и на съѣздѣ рѣшено было пойти на Татаръ всю южною русскою землею. Отступившія отъ русскихъ предѣловъ полчища враговъ были постигнуты нашею великою ратию въ теперешней Екатеринославской губерніи, близъ ея восточной границы отъ земли войска Донскаго, на рѣкѣ Калкѣ (теперешнемъ Калецѣ, впадающемъ въ Калміусъ, который, отдѣляя Екатеринославскую губернію отъ земли войска Донскаго, впадаетъ въ Азовское море у Мариуполя). Сначала Русскіе имѣли надъ Татарами нѣкоторый успѣхъ; но потомъ потерпѣли отъ нихъ совершенное и страшное пораженіе, какого, по словамъ лѣтописца, не бывало никогда (главными причинами котораго были трусость Половцевъ и взаимная великая зависть между двумя Мстиславами, устроившими походъ). Самихъ князей пало девять или десять, въ томъ числѣ Мстиславъ кіевскій, а что касается до простаго огромнаго войска, то его погибло „много множество... много безъ числа“ (однихъ только кіевлянъ, какъ говорили, — около десяти тысячъ человекъ). Послѣ пораженія Русскихъ Татары возвращались на Русь и доходили до Новгородѣ святополчаго, который находился на Днѣпрѣ, въ разстояніи отъ Кіева всего верстъ 70-ти; но, страшно опустошивъ окраину страны и избивъ всѣхъ, кто былъ имъ на пути и кто не бѣжалъ отъ нихъ, они не пошли на самый Кіевъ и отхлынули назадъ. Калкинское побоище имѣло мѣсто 31 Мая (16 Іюня?). 1223 года.

Черезъ 14-ть лѣтъ послѣ калкинской битвы въ 1237 г. Татары снова пришли на Русь, чтоббы совсѣмъ и надолго поработить ее.

Новгородскій лѣтописецъ рассказавъ о нашествіи Татаръ 1223 года, заключаетъ рассказъ: „Татары же (дошедъ до Новгородѣ святополчаго) възратишася назадъ отъ рѣкы

¹⁾ Мстиславы были внуки Ростислава Мстиславича смоленскаго.

Двѣпря, и не свѣдаемъ, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять“. На основаніи этихъ словъ лѣтописца можно было бы думать объ окончательномъ нашествіи 1237 г., какъ о совершенно неожиданномъ для Русскихъ, что служило бы къ немалому извиненію великаго князя Владимірскаго, оказавшаго имъ такое плохое сопротивленіе. Но если это, можетъ быть, и правда въ отношеніи къ Новгороду, то вовсе не можетъ быть признано правдой въ отношеніи къ Владимиру. Одновременно съ тѣмъ, какъ Чингисъ-ханъ послалъ изъ Хивы на югъ двухъ своихъ полководцевъ для преслѣдованія хана хивинскаго, сынъ его Джучи двинулся оттуда же на сѣверъ, занялъ сѣверную половину восточнаго Кипчака и остался въ ней господствовать: но сѣверная половина восточнаго Кипчака имѣла своей западной границей рѣку Уралъ, древній и старый Яикъ, который для восточныхъ, по крайней мѣрѣ, Русскихъ, — владимірскихъ и также рязанскихъ, входилъ въ черту той географическо-политической области, на которую распространялись ихъ свѣденія. Что Татары не намѣревались считать рѣку Уралъ непереступной для себя границей, это должно было стать яснымъ для владимірскихъ и рязанскихъ Русскихъ по крайней мѣрѣ съ 1229 года; подъ этимъ послѣднимъ годомъ въ нашей русской лѣтописи, и именно владимірской, записано: „того же лѣта Саксини (народецъ тюркскаго племени) и Половцы взбѣгоша изъ низу къ Болгаромъ передъ Татары, и сторожеве болгарьскыи прибѣгоша, бьени отъ Татаръ близъ рѣкы, ойже имя Яикъ“. Въ 1232 г. завоевательныя стремленія Татаръ, грозившія опасностію и Руси, должны были обнаружиться для Русскихъ еще съ болѣшею ясностію. Въ той же нашей владимірской лѣтописи подъ этимъ годомъ читаемъ: „тогоже лѣта придоша Татарове и зимоваша, не дошедше Великаго града Болгарьскаго“. Какъ кажется, въ этомъ году Татары только разграбили Болгарію, а не завоевали ея, потому что о завоеваніи говорится въ нашей лѣтописи (той же владимірской) подъ 1236 г. Но страшныхъ людей, приходившихъ одинъ разъ, нужно было ожидать снова, а они приходили уже къ нашимъ непосредственнымъ сосѣдямъ.

Не долго пришлось ждать того, чтобы Татары явились и къ намъ самимъ. Послѣ смерти Чингисъ-хана престолъ

великаго хана въ Каракорумѣ оставался незамѣненнымъ въ продолженіи двухъ лѣтъ; наконецъ, въ 1229 г. согласно съ его волею провозглашенъ былъ великимъ ханомъ его третій и особенно любимый имъ сынъ Оготай (Угэдэй). Послѣ усмиренія возстанія, вспыхнувшаго въ Ховарезмѣ и послѣ завоеванія Китая по рѣку Янгъ-тсе-Кіангъ, въ 1235 г. Оготай рѣшилъ снарядить великія арміи для выполненія мысли и завѣщанія Чингисъ-хана о завоеваніи всего свѣта. Снаряжены были двѣ арміи и одна изъ нихъ съ тѣмъ, чтобы идти на западъ, для завоеванія Европы. Во главѣ ея былъ поставленъ Батый, сынъ Джучіевъ, повелитель Кипчака, пограничнаго съ Европой, къ которому имѣли быть присоединены здѣшнія покоренныя страны; Батые сопровождали два сына самого Оготая и сыновья двухъ его братьевъ. Завоеваніе Европы начато было Татарами съ камской Болгаріи, которая въ 1232 г. была ими разграблена. Осенью слѣдующаго 1236 г. Татары явились подъ столицей Болгаріи Великимъ городомъ, взяли его и совершенно разграбили, избивъ жителей отъ старыхъ до юныхъ и до сущихъ младенцевъ, и потомъ опустошили и покорили всю страну. Въ виду этихъ ужасовъ у сосѣдей и уже черезчуръ явно нависавшей надъ самою Россіей страшной грозы, великій князь владимирскій Юрій Всеволодовичъ занимался тѣмъ, что справлялъ свадьбы двухъ своихъ сыновей! Проведши въ Болгаріи годъ, отъ осени до осени, на слѣдующую зиму, т. е. въ концѣ 1237 г. Татары явились въ Россіи. По всей вѣроятности, руководясь мыслию начать съ слабѣйшихъ, они направились не на княжество владимирское, а на рязанское. Взявъ изъ Болгаріи путь на юго-западъ и явившись въ южной части княжества, они расположились станомъ на рѣкѣ, называемой въ мѣстностяхъ Онузою, которой въ настоящее время неизвѣстно и подъ которою, можетъ быть, должно разумѣть рѣку Узу, текущую въ сѣверной части Саратовской губерніи и впадающей въ Суру на границѣ съ губерніей Пензенской. Отсюда они отправили пословъ къ князьямъ рязанскимъ, требуя себѣ отъ нихъ десятины въ людяхъ, въ коняхъ и во всемъ. Князья рязанскіе, не допустивъ пословъ до своей столицы, чтобы не дать имъ высмотрѣть ея мѣстности и укрѣпленій, и вышедъ къ нимъ на рѣку

Воронежъ, отвѣчали: когда насъ всёхъ не будетъ, тогда все будетъ ваше. Татары передвинулись съ рѣки Онузы на рѣку Воронежъ, а князя рязанскіе, рѣшивъ биться, отправили просить помощи къ вел. кн. владимирскому Юрію Всеволодовичу. Но великій князь жалкимъ образомъ дался въ обманъ Татарамъ. По особому кодексу правилъ о военной чести, образовавшемуся, какъ нужно думать, въ то время, когда Монголія, раздробленная на мелкія владѣнія, была погружена въ междоусобія, Татары считали хитрость и самый безсовѣстный обманъ такими же военными доблестями, какъ и мужество, и постоянно старались пользоваться первыми прежде, чѣмъ обращаться къ послѣднему: тѣже самые послы татарскіе, которые приходили къ рязанскимъ князьямъ, прошли отъ князей съ рѣки Воронежа во Владимиръ и увѣрили великаго князя, что онъ будетъ не тронуть, если останется нейтральнымъ въ предстоящей борьбѣ. Князь, давшись въ обманъ пословъ, отпустилъ ихъ отъ себя одаренными ¹⁾. 16 Декабря 1237 г. Татары подступили къ Рязани, а 21 взяли ее. Отъ Рязани они двинулись къ Коломнѣ. Такъ какъ послѣдняя (принадлежавъ тогда къ рязанскому удѣлу) стояла на самой границѣ владимирскаго княжества, то великій князь понялъ обманъ и поспѣшилъ выслать къ ней, на помощь уцѣлѣвшимъ рязанцамъ, свое войско подъ предводительствомъ одного изъ своихъ сыновей. Но соединенное войско рязанско-владимирское было разбито Татарами, а городъ взятъ. Послѣ взятія Коломны они вступили въ область великаго княженія и направились къ Москвѣ: городъ взяли, а здѣшняго удѣльнаго князя, другаго сына Юріева, живымъ захватили въ плѣнъ. Ожидая прихода Татаръ на Владимиръ, великій князь оставилъ въ столицѣ двухъ своихъ сыновей, а самъ съ тремя племянниками, князьями ростовскими, въ малой дружинѣ, удалился за Волгу и

1) Что дѣло было такъ, это даетъ знать Лаврентьевская лѣтопись въ своихъ рѣчахъ о вел. кн. Юріи Всеволодовичѣ, которыя читаются въ ней подъ 1239 г. А утверждаемое Новгородскою лѣтописью, будто Юрій потому отказалъ рязанцамъ въ помощи, что хотѣлъ биться съ Татарами особо, очевидно, мало имѣетъ смысла (хотя, можетъ быть, онъ дѣйствительно далъ рязанцамъ этотъ странный отвѣтъ, чтобы чѣмъ нибудь мотивировать свой отказъ).

сталъ станомъ на рѣкѣ Сити (въ нынѣшнемъ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи), ожидая къ себѣ съ войсками своихъ братьевъ—Ярослава кievскаго и Святослава юрьевскаго. Намѣреніемъ вел. князя, поведеніе котораго вообще не можетъ быть признано совершенно понятнымъ, по всей вѣроятности, было то, чтобы по собраніи войска напасть на Татаръ подѣ Владиміромъ съ тыла. Но если это такъ, то ничего подобнаго не случилось.

Татары, представлявшіе изъ себя войско исключительно конное и въ тоже время въ отношеніи къ неутомимости въ ѣздѣ лошадей и людей образцовое, дѣйствовали съ величайшею быстротою, рассчитывая наводить этимъ особенный ужасъ на враговъ и захватывать ихъ врасплохъ: едва ли великій князь и успѣлъ принять на Сити какое нибудь рѣшеніе, какъ уже Владиміръ былъ взятъ. Татары явились подѣ его стѣнами 2 Февраля. Расположившись станомъ у него, они сдѣлали выѣздъ къ Суздалю, отстоящему отъ него на 34 версты, чтобы взять эту вторую столицу великаго княженія, а затѣмъ, послѣ однодневнаго приготовленія къ осадѣ и послѣ столько же непродолжительной осады, взяли его 8 Февраля. Овладевъ Владиміромъ, въ которомъ погибло все рѣшительно семейство великаго князя ¹⁾, Татары разсыпались для опустошенія и грабежа по всей области суздальско-ростовской: отдѣльными отрядами они устремились на Ростовъ, Ярославль, Переяславль, Тверь, на Волгу къ Городцу, отъ котораго простерли свои опустошенія въ заволжьи до Галича мерьскаго (нынѣ костромскаго). Лѣтописецъ говоритъ, что не было мѣста ни веси и сель такихъ рѣдко, въ которыхъ бы не воевали Татары на суздальской землѣ, и что ими

¹⁾ Сынъ Владиміръ, захваченный въ плѣнъ въ Москвѣ, былъ убитъ подѣ стѣнами Владиміра; два сына Всеволодъ и Мстиславъ, оставленные въ столицѣ для ея защиты, жена, дочь, снохи и внучата, оставшіеся въ ней же, всѣ погибли въ самомъ Владимірѣ. Великая княгиня съ женской и малолѣтней частью семейства, бояре (старые и невоенные, не принимавшіе участія въ защитѣ), жены боярскія съ семействами, а также и множество всякихъ гражданъ, затворились было вмѣстѣ съ епископомъ Митрофаномъ въ соборной епископской церкви. Но Татары, взявъ городъ, подождли церковь и, давъ части затворившихся погибнуть въ дымѣ и огнѣ, остальную часть изсѣкли.

было взято 14 городовъ, кромѣ слободъ и погостовъ. Все это плѣненіе и опустошеніе области суздальско-ростовской совершенно было Татарами въ продолженіе одного Февраля мѣсяца ¹⁾. Истинно и невыразимо ужаснымъ долженствовало быть положеніе вел. кн. Юрія Всеволодовича, стоявшаго на Сити, когда въ страшномъ пожарѣ погибавшее отечество ждало отъ него послѣдней попытки спасенія и когда онъ лично былъ уже человѣкомъ безъ отечества, лишившимся всего на этомъ свѣтѣ. Великій князь и не сдѣлалъ никакой попытки: на его неподвижно стоявшее въ совершенномъ смущеніи отчаянія войско, которое позабыло даже выставлять стражей, Татары внезапно нахлынули 4 Марта; произошла битва, въ которой Русскіе были разбиты и предались бѣгству и въ которой великій князь нашелъ свою смерть ²⁾.

Изъ области суздальской Татары направились въ область новгородскую. Послѣ двухнедѣльной осады, они взяли 23 Марта Торжокъ и пошли Селигерскимъ путемъ къ самому Новгороду. Но, не доходя ста верстъ до Повгорода, остановились у мѣста, называвшагося Игначь крестъ ³⁾ и поворотили на югъ, вѣроятно, испугавшись новгородскихъ топей и болотъ, которыхъ Монголы, будучи жителями воз-

¹⁾ Можетъ показаться недоумѣннымъ, что Татары предприняли свой завоевательный походъ на Россію зимой. Но это съ нарочитымъ намѣреніемъ. Монголія, представляющая изъ себя возвышенную и безлѣсную плоскость, имѣетъ чрезвычайно суровый климатъ: зима въ ней очень продолжительна, отличается страшными холодами, ужасными буранами и вьюгами. Будучи поэтому народомъ закаленнымъ относительно зимы со всѣми ея ужасами, Монголы со времени самого Чингисъ-хана нарочно и предпринимали свои большіе военные походы зимой, чтобы се имѣть свою помощницу въ одержаніи верха надъ врагами, см. Землеуѣденіе Азии *Е. Риттера* въ русск. переводѣ *Семенова*, т. V, выпускъ 1, Спб., 1873, стр. 444 (Свидѣтельство греческаго историка Пахимера, что Татары имѣютъ обыкновеніе воевать зимой, у *Стриттера* въ *Монгог. rapp.*, III, 1070).

²⁾ Новгородская лѣтопись дѣлаетъ по поводу смерти Юрія Всеволодовича, можетъ быть—указывая только на ходившія въ Новгородѣ слѣдствія, загадочное замѣчаніе: „Богъ же вѣсть, како скончася, много бо глаголють о немъ инии“.

³⁾ Мѣсто это въ настоящее время неизвѣстно; считаютъ вѣроятнымъ видѣть въ немъ нынѣшній городъ Крестцы (находящійся въ 79 верстахъ отъ Новгорода).

вышенныхъ сухихъ мѣсть и въ настоящее время, вообще страшно боятся. Изъ исторіи этого движенія Татаръ на югъ и потомъ на юго-востокъ, въ степь половецкую, которое, нѣтъ сомнѣнія, сопровождалось такими же грабежами и опустошеніями, какъ и въ области суздальской, извѣстенъ эпизодъ осады Татарами Козельска. Ничтожный городокъ Козельскъ, принадлежавшій къ области черниговской (нынѣ Калужской губерніи) покрылъ себя доблестной славой за всю русскую землю, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, на стыдъ нашимъ князьямъ, что при большемъ съ ихъ стороны мужествѣ и патриотическомъ одушевленіи Татары не владѣли бы русской землей. Козельскъ имѣлъ въ то время своего удѣльнаго князя, по имени Василя, не извѣстно чьего сына и потомка ¹⁾; но князь былъ весьма молодъ. Не смотря на это, жители города рѣшились биться съ Татарами и положить за него свой животъ. Имѣя своею защитою, нѣтъ сомнѣнія, ничтожныя сравнительно укрѣпленія, они такъ мужественно выдерживали осаду, что послѣдняя продолжалась цѣлыя семь недѣль. Когда наконецъ Татары разбили городскую стѣну и взошли на валъ, козельцы рѣзались съ ними ножами и, напавъ на самый ихъ станъ, перерезали четыре тысячи человѣкъ, пока сами не были всѣ до одного перебиты. Осада Козельска оставила по себѣ такую страшную память у Татаръ, что, по словамъ лѣтописца, они не смѣли потомъ называть его Козельскомъ, но называли злымъ городомъ.

Опустошеніе Руси, пройденной полчищами монгольскими, должно быть представляемо какъ самое ужасное. Въ то время и всѣ европейскіе народы вели войны совершенно поварварски; но естественно, что настоящіе варвары, родичи Гунновъ и Печенѣговъ, каковы были Монголы, должны были значительно превосходить въ семь отношеніи европейцевъ. Страшное опустошеніе и совершенное разрушеніе городовъ и селеній, безпощадное избіеніе не успѣвавшихъ спастись отъ нихъ жителей,—иногда за исключеніемъ тѣхъ, которые отбирались въ рабство; иногда же

¹⁾ Можетъ быть, сына того Мстислава, который, будучи называемъ въ Ипатской лѣтописи козельскимъ и черниговскимъ, погибъ съ сыномъ въ калкинской битвѣ.

и совершенно поголовное, вотъ то, въ чемъ Монголы полагали свою военную славу и свое рыцарство и въ чемъ они находили свое дикое услажденіе и веселіе. Такъ вель войны самъ Чингисъ—ханъ; такъ вели ихъ и его дѣти и внуки. Монголы завоевали міръ, чтобы владѣть имъ, и въ то же время они такъ беспощадно его опустошали, что какъ будто хотѣли владѣть пустынями ¹⁾. Проходъ Монголовъ по сѣверной Россіи безъ всякаго преувеличенія долженъ быть уподобленъ страшному тропическому урагану, который все сокрушаетъ и уничтожаетъ на своемъ пути: города и селенія были выжжены и представляли груды пепла; на пепелищахъ и кругомъ пепелищъ валялось безчисленное множество человѣческихъ труповъ. Къ счастью, Монголы имѣли то сходство съ ураганомъ, что проносились такъ же быстро, какъ онъ, такъ что по крайней мѣрѣ оставшіеся въ живыхъ скоро должны были освобождаться отъ своихъ ужасовъ: немалую дугу, которую описали Монголы по Россіи, они прошли не болѣе какъ въ продолженіе пяти-шести мѣсяцевъ ²⁾.

Изъ опустошенной Россіи Батый вышелъ въ степь полоческую, въ которой и рѣшилъ утвердить свое постоян-

¹⁾ Въ объясненіе ужасныхъ убійствъ, которыя производили Монголы въ покоряемыхъ ими городахъ и порабоощаемыхъ земляхъ, ссылаются на то, что они считали себя посланными Богомъ завоевать міръ и что противившихся имъ они хотѣли наказывать какъ противившихся волѣ Божіей. Но весьма нерѣдко они беспощаднымъ образомъ избивали жителей и гѣхъ городовъ, которые, положившись на ихъ обѣщаніе пощады въ случаѣ покорности, сдавались имъ добровольно.

²⁾ Чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о всей ужасности монгольскихъ нашествій, нужно читать не однихъ нашихъ лѣтописцевъ, которымъ не подъ силу было рисовать сколько нибудь живыя картины ужасовъ, но еще восточныхъ и западно-европейскихъ (наши лѣтописцы въ немногихъ и нисколько некартинныхъ рѣчахъ своихъ о неистовствахъ Монголовъ главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на то, что послѣдніе при избіеніи или забирая въ рабство жителей не дѣлали исключенія для чернцовъ и черноризицъ, для поповъ и попадей. Впрочемъ, и у насъ есть одинъ писатель не изъ числа лѣтописцевъ, рисующій до нѣкоторой степени помянутыя живыя картины; это—Серапіонъ Владимірскій, дающій ихъ намъ въ своихъ поученіяхъ).—По легендѣ о св. Меркуріи Смоленскомъ Татары проходили мимо Смоленска во второй половинѣ Ноября; но необходимо думать, что это было гораздо ранѣе, — около половины Апрѣля.

ное пребываніе вмѣсто степи киргизской. Въ продолженіе 1238 года, начиная съ лѣта, и въ продолженіе слѣдующаго 1239 г. до зимы его орда была и прогоняла Половцевъ, чтобы очистить просторъ себѣ, осматривалась и устраивалась на новомъ мѣстѣ жительства и отдыхала отъ совершеннаго похода.

Зимой 1239 г. Батый возобновилъ свои завоеванія и вмѣстѣ опустошенія. Два отряда, посланные имъ на сѣверо-западъ, взяли и обратили въ пепель Переяславль и Черниговъ; отрядъ, посланный на сѣверъ, взялъ землю Мордовскую, города Муромъ и Гороховець и опустошилъ область по нижней Клязьмѣ. Возобновленіе Татарами военныхъ дѣйствій навело на Русскихъ такой панической страхъ, что, по словамъ лѣтописца, въ 1239 г. „бысть пополохъ золь по всей земли, (такъ что) и сами не вѣдяху, и гдѣ хто бѣжитъ“. Послѣ Переяславля и Чернигова дошла очередь и до старшей столицы Руси, заднѣпровскаго Кіева. Предводитель отряда, посланнаго для взятія Чернигова, спустился отъ Чернигова къ Кіеву и подошелъ къ нему съ этой стороны Днѣпра. Надѣясь взять Кіевъ лестію, онъ отправилъ пословъ къ сидѣвшему тогда въ Кіевѣ черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу, вѣроятно, съ предложеніемъ, что городъ будетъ пощаженъ, если сдастся добровольно; но Михаилъ отвѣчалъ тѣмъ, что приказалъ умертвить пословъ. Донесеніе Батыю его предводителя, видѣвшаго „красоту и величество“ старшей русской столицы, а также и ея сравнительно сильныя укрѣпленія, которыя съ этой стороны Днѣпра должны были казаться еще болѣе сильными, такъ какъ съ рѣки городъ на высокой горѣ, вѣроятно, гласило, что для овладѣнія Кіевомъ требуется вся рать монгольская, а не отдѣльный отрядъ. Зимой слѣдующаго 1240 г. Батый, вообще рѣшившій возобновить завоеваніе Европы, пошелъ на Кіевъ со всеми своими полчищами. Между тѣмъ, въ Кіевѣ успѣли смѣниться три князя: Михаила Всеволодовича выгналъ Ростиславъ Мстиславичъ смоленскій, а Ростислава — Даніилъ Романовичъ галичскій; этотъ послѣдній, не переселяясь въ Кіевъ самъ, а только присоединивъ его къ своему княженію, посадилъ въ немъ для обороны отъ Татаръ своего боярина Димитрія. Войско, приведенное Батыемъ подъ Кіевъ,

было такъ многочисленно, что, по словамъ лѣтописца, отъ скрипѣнія телѣгъ обоза, отъ ревѣнія верблюдовъ и отъ ржанія стада конскихъ нельзя было слышать голоса человѣческаго. Послѣ продолжительной осады, при чемъ пороки или стѣнобитныя машины осаждающихъ, составлявшія тогдашнюю артиллерію, били стѣны города день и ночь, Кіевъ былъ взятъ 6-го Декабря, въ Николинъ день ¹⁾). Отъ Кіева, который былъ разграбленъ и выжженъ, а жители котораго подверглись страшному избіенію ²⁾, Батый направился въ область волынско-галичскую; взялъ большую часть ея городовъ, въ томъ числѣ стольные Владимиръ и Галичь, и опустошилъ область также безошадно и ужасно, какъ и суздальско-ростовскую ³⁾. Отъ Галича въ Галиціи Батый двинулся въ западную Европу. Онъ раздѣлялъ свою армію на двѣ половины: съ одною самъ пошелъ въ Венгрію чрезъ Карпаты, а другую послалъ въ Польшу. Первая армія занималась разгромомъ Венгріи, при чемъ ея передовые отряды доходили до стѣнъ Вѣны въ Австріи, а отдѣленный отъ нея корпусъ, посланный преслѣдовать искавшаго спасенія въ бѣгствѣ венгерскаго короля, достигалъ на югѣ до самаго Адриатическаго моря въ Далмаціи. Вторая армія прошла Польшу, Силезію, Моравію и изъ послѣдней поворотила въ Венгрію на соединеніе съ самимъ Батыемъ. Двинувшись изъ Венгріи назадъ, Татары держали свой обратный путь частію чрезъ Трансильванію и Молдавію (самъ Батый), частію черезъ Боснію, Сербію, Болгарію и Молдавію (корпусъ, посланный для преслѣдованія венгер-

1) Сколь долго продолжалась осада Кіева, наши лѣтописи не говорятъ; но Плато-Карпини говорятъ, что она была продолжительная, — отдѣла извѣстій въ его сочиненіи о Татарахъ статья V.

2) Лаврентьевск. лѣтоп.: „а люди отъ мала и до велика вся убиша мечемъ“. О страшномъ избіеніи свидѣлствуетъ и Плато-Карпини, *ibidd.*

3) Когда князья галичско-волынскіе Даніилъ и Василько Романовичи, во время опустошенія ихъ области Батыемъ находившіеся въ Венгріи и Польшѣ, возвратились изъ послѣдней домой и пришли къ Берестью, — нынѣшнему Брестъ-Литовску, то, по словамъ лѣтописца, „не возмогоша ити (далѣе) въ поле срада ради множества избѣенныхъ, не бѣ бо, — говоритъ лѣтописецъ, — на Владимѣрѣ не осталъ живыи, церкви святой Богородици исполнена трупья, иныя церкви валолнена быша трупія и гѣлесь мертвыхъ (Ипатск., 2 изд. стр. 524).

скаго короля). Мысль о подчиненіи себѣ западной Европы Батый долженъ былъ оставить. Но его проходъ по ней былъ тѣмъ же ужаснымъ ураганомъ, что и въ нашей Россіи.

Возвратившись изъ западной Европы въ степь половецкую въ 1243 г. ¹⁾ и утвердивъ свое пребываніе на восточномъ краю ея, на берегахъ Волги, близъ границы съ степью азіатскою, Батый началъ свое господствованіе надъ Россіей. Въ томъ же 1243 г. пошли къ нему князья русскіе для изъявленія ему своей покорности и для полученія отъ него утвержденія на своихъ престолахъ. Съ береговъ Волги князья должны были предпринимать страшно далекія и страшно трудныя путешествія въ Харахоринъ или Каракорумъ для поклоненія великому хану. Это послѣднее продолжалось впрочемъ не долго. Четвертый великій ханъ (послѣ самого Чингисъ-хана) Хубилай или Кублай ²⁾, избранный въ 1260 г., покоривъ весь Китай (въ 1279 г.), сдѣлался императоромъ Китайскимъ и переселился изъ Харахорина въ Пекинъ: чрезъ это прекратилось существованіе великаго ханата и тетрархіи, установленной Чингисъ-ханомъ ³⁾. Въ самой Россіи, для завѣдыванія ею, какъ

¹⁾ Ипатская лѣтопись говоритъ, что Батый, явившійся въ Венгрію въ началѣ 1241 г., пробылъ въ ней три лѣта, и относить его возвращеніе изъ ней къ нашему году.

²⁾ Между Оготаемъ и Хубилаемъ два промежуточные великіе ханы были: Гуюкъ или Куюкъ и Мангу или Менгу (Мѡнкѡ).

³⁾ Въ русскомъ языкѣ есть слово харахориться, что значитъ неумѣренно величаться, слишкомъ ломаться. Подозрѣвается намъ, что слово—отъ названія столицы великихъ хановъ Харахорина и что оно введено въ русскій языкъ нашими князьями, вѣдшими въ Харахоринъ, съ того повода, что великіе ханы слишкомъ величались надъ ними или что имъ приходилось слишкомъ унижаться предъ ханами. Великіе ханы носили титулъ „каановъ“, что толкуется—ханъ надъ ханами (и что вѣроятно, есть особое произношеніе титула хакавъ или каганъ, тогда какъ ханъ есть сокращеніе послѣдняго). Въ нашихъ лѣтописяхъ великіе ханы называются канями, а о поѣздкахъ къ нимъ князей кромѣ выраженій: поѣхать къ канюви, пріѣхать изъ канювы земли, употребляются еще выраженія: поѣхать къ канювичемъ, пріѣхать отъ канювичъ, что должно быть понимаемо въ смыслѣ: поѣхать къ наследникамъ Чингисъ-хана въ качествѣ великихъ хановъ, ибо и самъ Чингисъ-ханъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ канюмъ. Батый подъ конецъ своего правленія, вѣроятно, въ 1253 г., построилъ для своего пребыванія городъ Серай или Сарай (что

страною вассальною, явились ханскіе намѣстники, называвшіеся баскаками.

Поработивъ своему игу русскую землю и ставъ ея верховными господами въ отношеніи государственномъ, Татары вмѣстѣ съ тѣмъ стали ея верховными господами и въ отношеніи церковномъ. Они могли принуждать Русскихъ къ принятію ихъ вѣры, и именно—принуждать или весь народъ, или по крайней мѣрѣ князей съ высшимъ сословіемъ боярскимъ. Не принуждая никого къ перемѣнѣ вѣры, они могли ограничить гражданскія права нашего духовенства, или совсѣмъ отнять ихъ у него. Вообще, будучи народомъ ино-вѣрнымъ, они могли стать большими или меньшими врагами нашей русской (православно-христіанской) вѣры по отношенію къ ней самой и къ ея представителямъ. Въ какія

значить дворець), который долженъ быть полагаемъ на нижней Ахтубѣ, на мѣстѣ нынѣшняго селенія Селитряный городокъ, находящагося въ 110 верстахъ отъ Астрахани (а послѣ построень былъ новый Сарай, который долженъ быть полагаемъ на верхней Ахтубѣ, на мѣстѣ нынѣшняго города Царева). Орда Батыева, владѣвшая Русью, называлась улусомъ Джучіевымъ отъ отца Батыева, улусомъ кипчакскимъ и ордой кипчакской отъ мѣстности, ордой сарайской отъ города Сарая и золотой ордой отъ ханской палатки. Орда собственно значить лагерь, состоящій изъ того или другаго количества палатокъ (а отсюда и цѣлый кочевой народъ, живущій въ палаткахъ) но еще это названіе употреблялось, какъ многократно даетъ знать Плано-Карпини, о палаткахъ хановъ и вельможъ (потому, вѣроятно, что около собственно ихъ палатокъ стояли цѣлые лагеря, орды, палатокъ ихъ прислуги). Палатка хановъ называлась золотой ордой, какъ даетъ знать тотъ же Плано-Карпини, потому, что она ставилась на шестахъ, покрытыхъ золотыми листами (а можетъ быть, и потому также, что у Монголовъ зпнать „золотой“ употреблялся о ханахъ въ соотвѣтствіе европейскому зпнату августѣйшій).—Наконецъ, о національности кипчакской или Батыевой орды должно быть сказано, что она была собственно не монгольская или татарская, а тюркская, такъ что и остающіеся отъ ней до настоящаго времени наши Татары представляютъ собою не Монголовъ или Татарь, а Тюрковъ (народная группа которыхъ, имѣющая въ Азіи главными своими представителями Туркменовъ, а въ Европѣ представляемая Турками османлисами, принадлежитъ къ тому же урало-алтайскому семейству, что и Монголы, и есть ближайшая въ немъ къ послѣднимъ). Это случилось такимъ образомъ, что Батый приволь съ собою въ Европу для ея завоеванія полчища не коренныхъ Монголовъ, а искоренныхъ въ восточномъ Кипчакѣ Тюрковъ (помянутыхъ Туркменовъ и Киргизовъ) и что настоящіе Монголы были только во главѣ полчищъ, въ качествѣ начальниковъ.

же отношенія стали Татары къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству?

Но прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны на минуту воротиться назадъ, чтобы сказать о поведеніи и объ участи нашего духовенства во время поработительнаго нашествія Татаръ и также о томъ, какія бѣдствія потерпѣла отъ нихъ во время этого нашествия именно церковь.

Если полагать, что обязанность высшаго духовенства, — епископовъ съ соборами игуменовъ, долженствовала при данныхъ обстоятельствахъ состоять въ томъ, чтобы одушевлять князей и всѣхъ гражданъ къ мужественному сопротивленію врагамъ для защиты своей земли: то лѣтописи не даютъ намъ права сказать, чтобы епископы наши оказались на высотѣ своего призванія, — онѣ не говорятъ намъ, чтобы, при всеобщей паникѣ и растерянности, раздавался по странѣ этотъ одушевляющій святительскій голосъ. Что касается до поведенія тѣхъ епископовъ, каедральныхъ городовъ которыхъ взяты были Татарами, то, не давая намъ свѣдѣній обо всѣхъ ихъ и ограничиваясь только нѣкоторыми изъ нихъ, лѣтописи сообщаютъ намъ, что одни изъ этихъ нѣкоторыхъ епископовъ оставались въ своихъ городахъ въ минуту взятія ихъ Татарами, чтобы потерпѣть отъ послѣднихъ смерть наравнѣ съ прочими, или чтобы получить отъ нихъ пощаду жизни, и что другіе спасались отъ нихъ чрезъ удаленіе изъ своихъ городовъ въ безопасныя мѣста. Епископъ рязанскій, неизвѣстный по имени, съ каедральнаго города котораго начали Татары, сдѣлавъ второе нами указанное: „а епископа, говорятъ лѣтописи, ублюде Богъ, отѣха проче (прочъ, вонъ изъ города) въ той годъ (въ то время), егда рать оступи градъ“. Епископъ владимирскій Митрофанъ оставался во Владимирѣ и погибъ въ своей соборной церкви отъ огня или меча вмѣстѣ со всѣми другими, которые затворились было съ нимъ въ ней ¹⁾. Епи-

1) Ипатская лѣтопись утверждаетъ о Митрофанѣ, что онъ воодушевлялъ князей и гражданъ къ сопротивленію Татарамъ. Но при молчаніи о семъ Лаврентьевской лѣтописи представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ показаніе лѣтописи Новгородской, что при первомъ же взглядѣ на татарскія полчища, обступившія Владимиръ, епископъ вмѣстѣ съ князьями признавалъ, „яко уже взяту быти граду“.

скопъ ростовскій Кирилль поступилъ подобно епископу рязанскому, „избывъ“ Татаръ на Бѣлоозерѣ. Епископъ переславскій Сумеопъ и черниговскій Порфирій оставались въ своихъ городахъ, при чемъ первый изъ нихъ былъ убитъ, а второй остался въ живыхъ и оставленъ былъ на свободѣ. Прочіе епископскіе города, взятые Татарами, были: митрополичій Кіевъ, Бѣлгородъ, Юрьевъ, Владимиръ Волинскій, Галичъ и, вѣроятно, Перемышль. Митрополита Юсифа, прибывшаго изъ Греціи на Русь въ 1237 г., т.-е. въ самый годъ нашествія Татаръ на владимирскую часть ея, мы не находимъ у насъ послѣ взятія Татарами Кіева и изъ двухъ предположеній, что или онъ убитъ былъ при взятіи города, или предъ его взятіемъ удалился домой въ Грецію, за наиболѣе вѣроятное должно быть признано второе. Что случилось съ епископами бѣлгородскимъ, юрьевскимъ и владими́ро-волинскимъ, остается неизвѣстнымъ; а епископовъ галичскаго и перемышльскаго мы находимъ живыми послѣ взятія Татарами ихъ городовъ. Поведеніе тѣхъ епископовъ, которые оставались въ своихъ городахъ, чтобы погибать или только ожидать смерти вмѣстѣ съ своими паствами, конечно, должно быть признано болѣе доблестнымъ, чѣмъ поведеніе тѣхъ епископовъ, которые удалились въ безопасныя мѣста. Но, съ другой стороны, нужно имѣть въ виду и то, что избіеніе Татарами многихъ епископовъ оказалось бы весьма бѣдственнымъ для общества въ церковномъ отношеніи. Если бы, на примѣръ, вмѣстѣ съ епископомъ владимирскимъ былъ убитъ и епископъ ростовскій, тогда откуда стала бы брать священниковъ цѣлая обширная область?

Представители низшаго приходскаго духовенства—священники и діаконы взятыхъ и разграбленныхъ Татарами городовъ и селеній и монахи съ монахинями находившихся въ нихъ монастырей подверглись одинаковой участи съ мірянами, т.-е. или были избиваемы, или уводимы въ плѣнъ. О Рязани лѣтопись говоритъ: „взяша градъ Резань и пожгоша и князя ихъ Юрья убиша и княгяню его, а иныхъ же емше мужей и жены и дѣти и черницы и черницъ, и ерея—овыхъ рассѣкаху мечи, а другихъ стрѣлами стрѣляху, ты (тѣхъ, иныхъ) въ огонь вметаху, иныя имающе вязаху, и поруганіе черницамъ и понадыамъ и добрымъ женамъ и дѣ-

вицамъ предъ матери и сестрами“. О Суздальѣ лѣтопись говоритъ: „чернцы и черницы старыя и попы (старые) и (люди) слѣпыя и хромыя и слукія и трудоватыя и люди всѣ (старыя) изсѣкоша, а что чернець и поповъ и попадѣи (юныхъ) и дьяконы и жены ихъ и дщери и сыны ихъ (и иные юные люди всѣ)—то всё ведоша въ станы своя ¹⁾. О Владимирѣ лѣтопись говоритъ: „(убьены и потоплены быша) игумени и чернцы и черницы и попы и дьяконы, отъ уного до старца и ссущаго младенца, и та вся иссѣкоша (поплѣниша?), овы убивающе, овы же ведуще босы и безпокровены въ станы своя, издыхающе мразомъ“. О Торжкѣ лѣтопись говоритъ: „и тако поганци взяша градъ и изсѣкоша вся отъ мужьска полу и до женьска, іереискыи чинъ всѣ и черноризьскыи, а все изъобнажено и поругано“...

Что касается до бѣдствій церкви помимо избіенія и иждѣненія священниковъ и монаховъ, то Татарами было уничтожено великое множество храмовъ и монастырей. Какъ должно думать, они не уничтожали намѣреннымъ образомъ однихъ и другихъ, подвергая только тѣ и другіе, и особенно вторые, своему разграбленію ²⁾; но при сожженіи ими городовъ и селеній тѣ и другіе погибали вмѣстѣ съ человѣческими жилищами. При этомъ, относительно храмовъ чувствительность бѣдствія состояла не столько въ ихъ собственной гибели, сколько въ гибели ихъ молитвенныхъ принадлежностей, ихъ богослужебной утвари и ихъ богослужебныхъ книгъ: самые храмы (подразумѣвается —

¹⁾ Нѣсколько дополняетъ и поправляетъ лѣтопись, — Лаврентьевскую, на основаніи выше читаемаго въ ней мѣста, которымъ она буквально пользуется въ настоящемъ случаѣ, именно—мѣста подлѣ 1203 г.

²⁾ Изъ церквей знаменитыхъ и вмѣстѣ богатыхъ были разграблены Татарами, по показанію лѣтописей, соборы: суздальскій, владимирскій, переяславскій (Переяславля южнаго) и кіевскій Софійскій. О разграбленіи Владимирскаго собора лѣтопись говоритъ: „святую Богородицу разграбиша, чудную икону [Владимирской Божіей Матери] одраша, украсену златомъ и серебромъ и каменіемъ драгимъ, и иконы одраша, а иные изсѣкоша, а ины поймаша, и кресты честныя и ссуды священныя и книги одраша, и порты блаженныхъ первыхъ князій, еже бяху повѣшали въ церквахъ на память себѣ, то все положиша себѣ въ полонъ“. Что касается до монастырей, то лѣтописи говорятъ, что Татари разграбили ихъ всѣ—въ Москвѣ (?), Суздаль, Владимиръ и Кіевъ.

деревянные) безъ особеннаго труда могли быть построены вновь, но приобрѣтеніе принадлежностей и утвари, въ особенности же приобрѣтеніе богослужебныхъ книгъ, было въ то время дѣломъ чрезвычайно труднымъ.

Возвращаемся къ нашему вопросу: въ какія отношенія стали Татары къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству вслѣдъ за порабощеніемъ ихъ страны.

По окончаніи самаго порабощенія, въ продолженіе котораго, какъ времени войны, церковь не составляла исключенія и подверглась совершенно такимъ-же ужаснымъ бѣдствіямъ, какъ и государство, Татары стали къ вѣрѣ и къ духовенству Русскихъ въ отношенія самой полной терпимости и самаго полного благопріятствованія. Ни цѣлый народъ, ни кого бы то ни было въ отдѣльности они вовсе не принуждали къ перемѣнѣ вѣры; за духовенствомъ нашимъ они вполне признали его существовавшія гражданскія права. Такимъ образомъ, этотъ бичъ Божій, обрушившійся на наше отечество, не явился по крайней мѣрѣ бичемъ для церкви, т.-е. не явился бичемъ для послѣдней по крайней мѣрѣ со стороны ея внѣшней свободы и внѣшняго положенія.

Татары стали въ отношенія полной и совершенной терпимости къ вѣрѣ Русскихъ не потому, чтобы они хотѣли сдѣлать исключеніе именно для нихъ, а потому, что въ такія отношенія они становились къ вѣрамъ всѣхъ покоренныхъ ими народовъ, потому, что полная вѣротерпимость была общимъ ихъ правиломъ въ приложеніи ко всѣмъ.

Причинъ этой полной вѣротерпимости Татаръ было нѣсколько.

Первою причиною было то, что они были язычники. Мы уже говорили прежде ¹⁾, что язычники не смотрятъ на свои вѣры, которыхъ держатся, какъ на религіи единственно истинныя, но что всѣ вѣры, сколько ихъ ни видятъ у людей, они считаютъ религіями одинаково истинными, ведущими начало отъ одного и того-же Бога, и только различными по различію людей. На этомъ основаніи вѣротерпимость язычниковъ есть то, что вытекаетъ изъ существа ихъ воззрѣній на вѣры. Какихъ воззрѣній держатся всѣ

¹⁾ I т. 2-я полов., стрр. 75 и 79.

язычники, такихъ-же должны были держаться и Татары; а отсюда, подобно всѣмъ другимъ язычникамъ, они принципиально должны были быть терпимыми. Что Татары не уклонялись въ своихъ воззрѣнiяхъ на вѣры отъ всѣхъ другихъ язычниковъ, — каковое уклоненiе было-бы дѣломъ необъяснимымъ, — на это мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, принадлежащiя имъ самимъ. Когда монахъ Рубруквисъ, ходившiй къ великому хану Каракорумскому Мангу отъ французскаго короля Людовика Святаго ¹⁾, убѣждалъ хана принять христіанство, послѣднiй отвѣчалъ: „мы Монголы вѣруемъ, что есть единый (для всѣхъ народовъ) Богъ, которымъ мы живемъ и которымъ умираемъ, и къ Нему мы имѣемъ правое сердце; но какъ Богъ далъ рукѣ многіе пальцы, такъ далъ людямъ многіе пути (спасенiя: *sed sicut Deus dedit manui diversos digitos, ita dedit hominibus diversas vias*); вамъ далъ Богъ писанiя и вы христіане не храните ихъ, а намъ далъ волхвовъ (*divinatores*) и мы дѣлаемъ все, что они приказываютъ намъ, и живемъ въ мирѣ ²⁾).

Второю причиною полной вѣротерпимости Монголовъ были побужденiя политическія. Темучинъ объявлялъ и вмѣстѣ признавалъ себя за человѣка, предназначеннаго Богомъ покорить весь міръ, чтобы образовать изъ него одно всемірное государство. Но въ мірѣ существуютъ многія вѣры

¹⁾ Вильгельмъ Рубруквисъ (Руисбрѣкъ, Рубрукъ), французскій монахъ францисканскаго ордена (миноритъ) былъ посланъ Людовикомъ Святымъ изъ Сирiи, гдѣ находился король для крестовой войны съ Сарацинами, къ сыну Батыеву Сартаку, съ цѣлю проповѣди христіанства между Татарами, по тому поводу, что ему — королю ложно было донесено, будто Сартакъ принялъ христіанство. Отправленный Сартакомъ къ Батыю, а Батыемъ къ Мангу, Рубруквисъ прибылъ къ двору великаго хана 27 Декабря 1263 г. и послѣ пятимѣсячнаго при немъ пребыванiя отпушенъ былъ имъ въ обратный путь въ Іюль 1264 г. Последнее и лучшее изданiе его сочиненiя „Путешествiе на Востокъ“ (*Voyage en Orient*) въ *Recueil de voyages et de memoires* парижскаго Географическаго общества, т. IV. Не имѣя у себя этого изданiя, мы пользовались сочиненiемъ отчасти по старому изданiю Бержерона, отчасти черезъ вторыя разныя руки (подробное извлеченiе между прочимъ у Д'Оссона въ *Histoire des Mongoles*, II, 283 sqq).

²⁾ О совершенной вѣротерпимости язычниковъ-шаманистовъ, каковыми были Татары до принятiя магометанства, въ настоящее время см. „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состоянiи“ монаха Іакинпа, IV, 55 fin.

и дѣлать людямъ насиліе въ семь отношеніи значило-бы возбуждать противъ себя ихъ вражду. Вовсе не желая дѣлать этого насилія уже по своимъ принципамъ религіознымъ, Темучинъ, по побужденіямъ политическимъ, объявилъ полную и совершенную вѣротерпимость, съ одинаковымъ покровительствомъ со стороны верховной власти всѣмъ вѣрамъ, какъ основной законъ своего государства. Соединивъ всѣ монгольскія племена въ одно цѣлое и принявъ титулъ Чингисъ-хана или императора, онъ, прежде чѣмъ обращаться къ дальнѣйшему завоеванію міра, обнародовалъ книгу государственныхъ законовъ подъ названіемъ Яса (Ясакъ), что значить запреты ¹⁾. Въ этой Яса, предписанія которой должны были быть безусловно обязательными для его преемниковъ подъ страхомъ лишенія престола и пожизненнаго заключенія (что и дѣйствительно бывало) и на которую Монголы дѣйствительно смотрѣли какъ на своего рода евангеліе или коранъ ²⁾, сдѣлано нарочитое узаконеніе о томъ, что всѣ вѣры, безъ различія ихъ самихъ и содержащихъ ихъ народовъ, должны быть терпимы, и что служители всѣхъ вѣръ, равно какъ врачи и нищіе, ученые и подвижники, молитвосозыватели и гробохранители, должны быть освобождены отъ всякихъ податей и налоговъ ³⁾. Преемники Чингисъ-хана, побуждаемые политикой, не только оказывали полную терпимость всѣмъ вѣрамъ, но старались вести себя такъ, чтобы послѣдователи каждой вѣры считали ихъ болѣе склонными именно къ своему исповѣданію. Тотъ же Рубруквисъ, котораго мы привели сейчасъ выше, пишетъ о томъ-же великомъ ханѣ Мангу: „у него въ обычаѣ, чтобы въ тѣ дни, въ которые его полхвы назначаютъ быть праздникамъ или на которые какъ на

¹⁾ См. объ Яса у *Гаммера* въ *Geschichte d. gold. Horde*, S. 148, также у *Григорьева* въ диссертациі „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству“, стр. 35 sqq.

²⁾ Арабскій историкъ конца XIV—первой половины XV вѣка Макризи говорить: „для потомковъ Чингисъ-хана Яса была ненарушимымъ закономъ, отъ постановленій котораго они никогда ни въ чемъ не отступали...; они столь же строго исполняли повелѣнія Яса, какъ первые мусульмане слѣдовали предписанному кораномъ“... См. *Исторію Монголовъ съ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана*, переводъ съ персидскаго (изъ *Хондемира*) Григорьева, Спб., 1834, прим. 93.

³⁾ У *Гаммера* *ibid.* S. 190.

праздники укажутъ ему священники несторіанскіе (о сихъ священникахъ ниже), приходили къ нему сначала священники христіанскіе въ своемъ облаченіи и молились за него и благословляли его кубокъ (вина), чтобы по удаленіи ихъ приходили священники сарацинскіе и дѣлали тоже и чтобы послѣ сихъ приходили священники языческіе и дѣлали (опять) тоже. И говорилъ мнѣ, — продолжаетъ Рубруквисъ, — монахъ (несторіанскій, находившійся при дворѣ великаго хана), что вѣрять (ханъ) только христіанамъ, хотя желаетъ, чтобы всѣ молились за него. Но онъ (монахъ), — прибавляетъ Рубруквисъ, — обманывался, потому что (ханъ) никому не вѣрять (не держится ни чьей вѣры)..., всѣ слѣдуютъ за дворомъ его, какъ мухи за медомъ и всѣмъ (онъ) даетъ (оказываетъ благоволеніе), и всѣ думаютъ, что онъ есть именно ихъ особенный покровитель, и всѣ предрекаютъ ему благополучіе“.

Третью причину совершенной вѣротерпимости Монголовъ и ихъ усерднаго покровительства всѣмъ вѣрамъ составляло то, что они были народъ крайне и до послѣдней степени суевѣрный. На своихъ языческихъ волхвовъ или кудесниковъ (шамановъ) они смотрѣли какъ на людей, которые обладаютъ чудеснымъ даромъ отвращать отъ людей несчастія и вмѣстѣ насылать на нихъ послѣднія. Какъ смотрѣли они на своихъ волхвовъ, представлявшихъ собою служителей ихъ вѣры, такъ смотрѣли они на служителей и всѣхъ другихъ вѣръ. Своихъ волхвовъ Монголы съ одной стороны весьма боялись, опасаясь отъ нихъ несчастій; а съ другой — весьма почитали, надѣясь посредствомъ ихъ чудеснаго дара быть въ своихъ дѣлахъ благоуспѣшными. По той-же самой причинѣ они, въ такой-же мѣрѣ боялись и почитали служителей и всѣхъ другихъ вѣръ. Слѣдствіемъ сего и было то, что они одинаково терпя всѣ вѣры, усердно почитали, т.-е. собственно старались задабривать, служителей всѣхъ вѣръ и вели себя такъ, что какъ будто принадлежали ко всѣмъ вѣрамъ ¹⁾.

¹⁾ Мы привели свидѣтельство Рубруквиса, что великій ханъ Мангу вель себя по отношенію ко всѣмъ вѣрамъ такъ, что какъ будто принадлежалъ къ каждой изъ нихъ. Вотъ такое же свидѣтельство извѣстно Марко-Поло о преемникѣ Мангу великомъ ханѣ (потомъ императорѣ Ки-

Христіанство, составляющее религію единую истинную и открыто выдающее себя за таковую, по видимому, не должно было правиться ханамъ монгольскимъ своими притязаніями исключительности. По притязаніямъ христіанства, считая ихъ съ своей точки зрѣнія неосновательными, ханы оказывали такъ сказать великодушное снисхожденіе; между тѣмъ были частныя историческія обстоятельства, въ слѣдствіе которыхъ, начиная со времени самого Чингисъ-хана, оно должно было, съ одной стороны, стать въ глазахъ Монголовъ особенно высоко, такъ чтобы они имѣли охоту оказывать ему покровительство нарочитое и преимущественное, а съ другой стороны—пріобрѣсть за себя ходатаевъ предъ ханами съ голосомъ весьма сильнымъ и дѣйствительнымъ. Ко временамъ Чингисъ-хана христіанство существовало въ Монголіи какъ вѣра, исповѣдуемая нѣкоторыми изъ отдѣльныхъ, населявшихъ ее, народовъ. Это именно—христіанство Несторіанской секты. Несторіане, въ концѣ V вѣка изгнанные изъ предѣловъ греческой имперіи, нашли себѣ убѣжище въ Персіи, государи которой изъ политическаго соперничества съ императорами Константинопольскими предложили имъ свое усердное покровительство. Поселившись въ Персіи, Несторіане начали вести дѣятельную пропаганду на востокѣ, посылали своихъ миссіонеровъ во все стороны и успѣли распространить христіанство своей секты въ Индіи, Туркестанѣ, Монголіи и Китаѣ. Въ

тайскомъ) Хубилаѣ или Кублаѣ: „въ день пасхи, зная, что это одинъ изъ главныхъ христіанскихъ праздниковъ, великій ханъ велѣлъ всемъ христіанамъ явиться къ нему и принести съ собою то священное писаніе, въ которомъ заключается четвероевангеліе; окуривъ торжественно ладаномъ эту книгу, онъ благоговѣнно поцѣловалъ ее; тоже должны были сдѣлать, по его приказанію, и все тутъ бывшіе вельможи: это у него всегдашній обычай при всякомъ большомъ праздникѣ у христіанъ, о Рождествѣ и о Пасхѣ; тоже соблюдалъ онъ и въ праздники Сарацинъ, Жидовъ и язычниковъ; когда спросили его, зачѣмъ онъ дѣлаетъ это, онъ отвѣчалъ: „есть четыре пророка, почитаемые и обожасмые четырьмя разными племенами міра: христіане почитаютъ Иисуса Христа, Сарацины—Магомета, Жиды Моисея, а у язычниковъ самый вышій богъ Согономбаръ-канъ, а я почитаю всехъ четырехъ и молю о помощи себѣ того, кто въ самомъ дѣлѣ выше всехъ изъ нихъ“... Путешествія кн. 2 гл. 2, русскій переводъ *Шемьякина* съ нѣмецкаго (очень хорошаго) изданія *Ави. Бюрга* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1861 г. кн. 3.

Монголіи они водворили свое христіанство у двухъ народовъ: у народа тюркскаго племени Уйгуровъ, которые жили на сѣверъ отъ помянутаго выше Тянгута, у восточныхъ склоновъ горнаго хребта Тянь-Шань, ограничивающаго съ сѣвера такъ называемый восточный Туркестанъ (города: Хамиль, Турфанъ, Урумчи), ¹⁾ и у народа собственной монгольской семьи—Кераитовъ, жившихъ въ сѣверной Монголіи, въ верховьяхъ рѣкъ Селенги и Орхона, съ столицей въ Харахоринѣ или Каракорумѣ, который сдѣлалъ потомъ своей столицей Чингисъ-ханъ послѣ покоренія Кераитовъ въ 1202—3 году ²⁾. Кераиты приняли несторіанское христіанство въ началѣ XI вѣка ³⁾. Когда оно распространилось у Уйгуровъ, остается неизвѣстнымъ; но нужно думать, что значительно задолго до Кераитовъ, приблизительно вѣкъ въ IX—VIII, если не въ VII ⁴⁾. Несторіане ввели у Уйгуровъ свою сирскую азбуку (на подобіе того, какъ Константинъ философъ ввелъ у Славянъ азбуку греческую, приспособивъ ее къ славянскому языку), и чрезъ это не только сдѣлали ихъ народомъ грамотнымъ, но и дали имъ возможность стать до нѣкоторой степени народомъ образованнымъ, что и на самомъ дѣлѣ было. Эти Уйгуры, добровольно поддавшись Чингисъ-хану въ 1209—10 г., заняли въ толпѣ собранныхъ имъ подъ свою власть народовъ выдающееся положеніе. До Чингисъ-хана у Монголовъ вовсе не было грамоты; когда онъ создалъ свое обширное государство, оказалась нужда, для цѣлей администраціи, въ грамотѣ и людяхъ грамотныхъ: этой нуждѣ удовлетворили Уйгуры, у которыхъ онъ заимствовалъ грамоту и которыхъ призвалъ для занятія мѣстъ въ администраціи, требовавшихъ письменности ⁵⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ служилое или дворянское сословіе Уйгуровъ, представлявшее изъ

1) *K. Puntner* Die Erdkunde von Asien, B. I. S. 342 sqq.

2) *Ibid.* S. 257.

3) *Ios. Assemani* Bibliotheca Orientalis, T. III. pp. 474 и 483 (у *Puntnera* *ibid.* S. 288.

4) Позднѣйшія сказанія производили христіанство Уйгуровъ отъ трехъ волхвовъ, приходившихъ на поклоненіе родившемуся Иисусу Христу, которые будто были волхвы уйгурскіе,—у *Assem.* *ibid.* pp. 470 и 503.

5) *Puntnera* Erdkunde von Asien, Band V, Drittes Buch, Ss. 438 и 589.

себя людей сравнительно образованныхъ, заняло высокое положеніе при дворѣ Чингисъ-хана, что постоянно оставалось и при его преемникахъ. Не всѣ Уйгуры, игравшіе видную роль при ханахъ монгольскихъ, принадлежали къ христіанству, — были между ними буддисты и магометане; но, какъ положительно говорятъ современные свидѣтельства, не малое количество ихъ, и въ томъ числѣ знатнѣйшихъ между ними, было и изъ несторіанскихъ христіанъ ¹⁾. Естественно, что уваженіе, которымъ пользовались у хановъ ихъ чиновники и сановники изъ числа послѣдователей несторіанства, должно было отразиться во взглядахъ хановъ и на ихъ христіанскую вѣру. Въ тоже время и непосредственно о самихъ служителяхъ или духовныхъ несторіанскаго христіанства ханы должны были составить себѣ мнѣніе какъ о людяхъ, которые должны быть уважаемы ими не менѣе, чѣмъ служители всѣхъ другихъ вѣръ. На всемъ магометанскомъ востокѣ Несторіане славилась своимъ знаніемъ врачебнаго искусства, такъ что лекарями у магометанскихъ государей и князей были по преимуществу они ²⁾. Мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній, чтобы это такъ было и въ языческой Монголіи; но, во первыхъ, вѣроятно предполагать это само по себѣ, во вторыхъ; это даютъ знать свѣдѣнія непрямыя ³⁾. Между тѣмъ Монголы объединяли въ своихъ представленіяхъ лекарей съ служителями вѣръ, ибо служители ихъ собственной языческой вѣры были вмѣстѣ и лекарями. Этотъ взглядъ на несторіанскихъ духовныхъ, какъ на лучшихъ лѣкарей, вмѣстѣ съ чѣмъ люди суевѣрные не могли не представлять себѣ ихъ и наиболѣе страшными колдунами, долженъ былъ имѣть слѣдствіемъ то, чтобы ханы оказывали имъ не только одинаковое благоволеніе съ духовными всѣхъ другихъ вѣръ, но и до нѣкоторой степени особенное, чтобы они отличали ихъ отъ другихъ. Приведенныя нами выше слова Рубруквиса о праздничныхъ обычаяхъ великаго хана Мангу (если дать имъ

¹⁾ Армянскіе историки: Comnestabularius Armeniac и Гайтонъ у *Ассемани* pp. 470 и 503, Рубруквисъ гл. XVII и XXVI.

²⁾ *Ritter's* Erkunde von Asien B. 1. S 285.

³⁾ Рубруквисъ въ одномъ примѣрѣ даетъ знать, что великій ханъ Мангу болѣе довѣрялъ врачебному искусству несторіанца, чѣмъ языческихъ волховъ. — гл. XXXVIII.

полную вѣру) показываютъ, что это и на самомъ дѣлѣ было такъ: въ дни праздничные первыми приходили къ великому хану, чтобы молиться о немъ и благословлять его кубокъ, священники христіанскіе, подъ которыми разумѣются именно священники несторіанскіе. Другой западный монахъ, Плано-Карпини, ѣздившій къ великому хану Гуюку отъ папы Иннокентія IV ¹⁾, даетъ до нѣкоторой степени знать объ отличіи, которое оказывалось несторіанскимъ христіанамъ, какъ великими ханами, такъ и всѣми Монголами, когда сообщаетъ, что Гуюкъ содержалъ при себѣ христіанскихъ священниковъ, которымъ давалъ жалованье, — что у него былъ и молитвенный домъ 'предъ большою его палаткою, гдѣ церковнослужители всенародно пѣли и отправляли службу въ тѣже часы, какъ и греческіе христіане, причемъ находилось безчисленное множество Татаръ и другихъ народовъ. Другой христіанскій народъ Монголіи Керайты, какъ кажется, не могли производить на хановъ монгольскихъ благопріятнаго впечатлѣнія относительно христіанства сравнительнымъ процвѣтаніемъ у нихъ просвѣщенія. По крайней мѣрѣ касательно этого нѣтъ никакихъ указаній. Но они должны были содѣйствовать тому, чтобы ханы были нарочитыми друзьями христіанства, инымъ путемъ. У Керайтовъ принялъ его самъ государь ²⁾. Когда Чингисъ-ханъ покорилъ ихъ и сдѣлалъ ихъ государя

1) Іоаннъ де-Плано-Карпини, итальянскій монахъ того же францисканскаго ордена, что и Рубруквисъ, былъ посланъ папою Иннокентіемъ къ великому хану Гуюку съ тою цѣлю, чтобы отвратить его отъ мысли о завоеваніи Европы и попытаться обратить его въ христіанство. Ѣхавъ чрезъ нашу Россію, онъ прибылъ къ Гуюку 22 Іюля 1246 г. и послѣ четырехмѣсячнаго безъ десяти дней пребыванія при немъ, при чемъ видѣлъ торжественное провозглашеніе его великимъ ханомъ, отправился назадъ 13 Ноября того же года (Лучшее изданіе его сочиненія: *Relation des Mongols ou Tatares*—тамъ же, гдѣ и Рубруквиса. Есть два русскіе перевода. принадлежащій неизвѣстному А. М., напечатанный въ 1795 г., и Языкова, 1825 года, читаемый въ 1-мъ томѣ предпринятаго было послѣднимъ изданія: „Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ“).

2) Носившій титулъ Ванъ-хана, откуда у несторіанскихъ миссіонеровъ явился знаменитый въ средніе вѣка на Западѣ *preshyter Iohannes rex* (ибо Ванъ, иначе Ованъ, было принято за собственное имя Іоаннъ, а ханъ, каганъ, было принято за одно и тоже съ сирскимъ каганъ, что значитъ священникъ).

своимъ вассаломъ, то одну изъ племянницъ послѣдняго онъ взялъ въ жены собѣ, а двухъ—въ жены двумъ своимъ сыновьямъ, и такимъ образомъ, съ одной стороны—между его собственными женами была христіанка, а съ другой стороны—слѣдствіемъ сего было то, что два послѣдніе великіе хана—Мангу и Хубилай были дѣтьми христіанки ¹⁾).

Несторіанскіе христіане, конечно, старались внушить ханамъ, что дѣйствительная христіанская истина только въ одной ихъ сектѣ. Но если для хановъ истина была одинаково во всѣхъ религіяхъ, то очевидно, что они не могли быть убѣждены къ тому, чтобы полагать различіе между частными исповѣданіями одной религіи.

Оказывая совершенно полную терпимость ко всѣмъ вѣрамъ, великіе ханы монгольскіе искренно или притворно и по расчетамъ до такой степени оказывали свое благоволеніе христіанамъ, что о трехъ послѣднихъ между ними: Гуюкѣ, Мангу и Хубилаѣ составились сказанія, будто они одинъ за другимъ на самомъ дѣлѣ принимали христіанство ²⁾).

Е. Голубинскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

¹⁾ По монгольскому историку конца XIII—начала XIV вѣка Рашидъ—Эддину, Чингисъ-ханъ взялъ изъ четырехъ дочерей брата Ванъ-ханова Ржаханьбо—одну за себя, другую за старшаго сына Джучи и третью, послѣдующую мать Мангу и Хубилая, за младшаго сына Тули (Полагають или по крайней мѣрѣ полагали, что Оготай имѣлъ жену христіанку и что Гуюкъ былъ его сыномъ именно отъ послѣдней, ст. у *Ассеман* *ibid.* pp. 103 и 408. Но изъ Рашидъ-Эдина видно, что это неправда: онъ не говоритъ, чтобы Оготай имѣлъ жену изъ дома Ванъ-ханова, а о матери Гуюковой Туракинѣ ясно говоритъ, что она была изъ племени Меркитовъ, предполагать у котораго христіанство не существуетъ никакихъ основаній).

²⁾ У *Ассем.* *ibid.* pp. 105 sqq., 480.